

адбываецца ў змрочных замках, сядзібах, касцёлах, на могілках, пераважна ноччу, у неспрыяльнае надвор’е, прысутнічаюць інфернальныя істоты, чытач запалоханы прадчуваннем блізкай трагедыі.

У гатычных творах пісьменніцы падаюцца і звязваюцца ў адно некалькі пластоў часу, а гісторыя краіны асэнсоўваецца праз асобу і сям’ю. У цэнтры апавядання, як правіла, знаходзіцца кананічны гатычны матыў сямейнага праклёну, які можа быць звязаны з рэальным грахам або злачынствам, што перадаецца з пакалення ў пакаленне шляхам выпадковага і часта наўмыснага знішчэння чалавека, памяці пра ўласнае мінулае, што непазбежна вядзе да асабістага крызісу. Л. Рублеўская выразна паказвае, што неабходна абапірацца на мінулае, каб будаваць сучаснасць.

Такім чынам, Л. Рублеўская – прыклад унікальнай пісьменніцы, якая па-майстэрску апрацоўвае культуру і гісторыю беларускага народа як у паэтычных творах, так і ў празаічных. Аўтарка яскрава паказвае, як важна захоўваць нацыянальную самасвядомасць, працягваць традыцыі продкаў, не губляць сябе ў сучасным свеце. У зборніку “Адукацыя” была размешчана рэклама самога зборніка ад чытача пад псеўданімам “Алесь з-пад Кру-пак”, які пісаў: “Чытаць, усім чытаць!”. Гэты слоган можна аднесці да кожнай кнігі Людмілы Рублеўскай. Чытаць, усім чытаць!

Літаратура

1 Рублеўская, Л. Крокі па старых лесвіцах / Л. Рублеўская. – Мінск : ЦК КП Беларусі, 1990. – 45 с.

2 Рублеўская, Л. Адукацыя / Л. Рублеўская. – Мінск : ЦК КП Беларусі, 1990. – 26 с.

3 Хоміч, Т. П. Асаблівасці творчага самавыяўлення ў паэзіі Людмілы Рублеўскай [Электронны рэсурс] / Т. П. Хоміч. – Рэжым доступу: <http://lir-book.by/> – Дата доступу: 19.04.2024.

4 Рублеўская, Л. Авантуры Пранціша Вывіча, шкаляра і шпега / Л. Рублеўская. – Мінск : Звязда, 2017. – 368 с.

5 Лысова, Н. Б. Гістарычная проза Людмілы Рублеўскай: да характарыстыкі жанру / Н. Б. Лысова // Весн. Полацк. дзярж. ун-та. Серыя А. Гуманітарныя навукі. – 2013. – № 10. – С. 12–17.

6 Бугаёў, Дз. Беларускі дэтэктыў Людмілы Рублеўскай / Дз. Бугаёў // Полымя. – 2006. – № 7. – С. 207–212.

УДК 811.161.1’42’371’373.614’367.622

Я. И. Прокопчик

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ НАИМЕНОВАНИЙ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ С ИСХОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ НАНЕСЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО УЩЕРБА

Статья посвящена анализу имен существительных-наименований отрицательных эмоций, которые выражают семантику отрицательных эмоционально-психических состояний, являются преимущественно производными и имеют затемненную внутреннюю форму в современном русском языке. Определены исходные значения, связанные с отрицанием представлений о нанесении физического ущерба. Выявлены метафорические модели, лежащие в основе формирования семантики рассматриваемых слов.

Слово включает в себя, кроме звуков и значения, ещё и представление, лежащее в основе наименования – внутреннюю форму. Внутренняя форма слова в наиболее общем виде

определяется как характер связи звукового состава слова и его первоначального значения, семантическая или структурная соотнесённость составляющих его морфем с другими морфемами данного языка; способ мотивировки значения в данном слове [1, с. 43].

С помощью эмоций в сознании человека отражается его эмоциональное отношение к действительности. В процессе мышления человек как языковая личность «усваивает» и «перерабатывает» информацию окружающего мира, отражая результаты этой «переработки» в языке.

Рассмотренные нами в рамках этой статьи слова мы отнесли к наименованиям отрицательных эмоций, семантика которых формируется на основе представлений о нанесении физического ущерба. К данным именам существительным мы отнесли следующие: *боязнь, гнев, грусть, мука, тоска, скука*.

Имя существительное *боязнь* выражает значение ‘беспокойство, страх перед кем-чем-нибудь’: *боязнь одиночества* [2, с. 41].

По мнению этимологов, данная лексема образована суффиксальным способом от возвратного глагола *бояться* (**bojati se*), связанному чередованием гласных с **biti* ‘бить’ [3] и связана по происхождению с лит. *bijoti-s* ‘бояться’, *bajaus, bajus* ‘страшный’, *baime* ‘страх’; латыш. *bitis* – ‘бояться’; прус. *biatwei, biasnan* ‘боязнь’, ‘страх’; др.-в.-нем. *biben* – ‘трястись’, ‘трепетать’ и восходит к индоевропейскому корню **bhi-*, **bheyo-* – ‘бояться’ [4, с. 41]. Таким образом, исходная семантика рассматриваемого слова характеризуется синкретичностью; абстрактное значение эмоционального состояния по происхождению является вторичным и формируется на основе конкретного значения ‘бить’, отражающего представления о нанесении физического ущерба.

Лексема *гнев* в современном русском языке имеет значение ‘чувство сильного возмущения, негодования’: *Вспышка гнева. Быть в гневе. Гнев плохой советчик* (посл.) [2, с. 116].

В других славянских языках у слова *гнев* имеются следующие соответствия со сходными лексическими значениями: укр. *гнів*; блр. *гнеў*; болг. *гняв*; с.-хорв. *гнев*; словен. *gnev*; чеш. *hnev*; польск. *gniew* [3].

Данное слово восходит к праславянскому существительному **gněvъ*, которое этимологи обычно связывают с праславянским **gniti* : **gnojъ* > рус. *гнить, гной*. Индоевропейская база **ghnei*, от корня **ghen-* – ‘растирать’, ‘разгрызать’ [5, с. 194]. Итак, исходное значение глагола *гнить* – ‘быть растёртым’ > ‘распасться на мельчайшие части’.

Отметим, что внутренняя форма данной лексемы также проявляется в её устойчивой сочетаемости, сравн. *гнев душист*.

Сходные закономерности отражаются в семантике лексемы *грусть* ‘чувство печали, уныния’: *Грусть о доме, о родных. Предаваться грусти* [2, с. 127]. Данное существительное является только русским, в укр. и блр. языках отсутствует. В укр. и блр. ему соответствуют слова *сум, смутак* (блр. *смутак*), *журба*. Сравните в том же значении: болг. *тъга*; с.-хорв. *туга*; чеш. и польск. *smutek* [6, с. 223].

По мнению этимологов, данное слово восходит к праславянскому существительному **grudъ* (с диссимиляцией сочетания **dt* на стыке морфем), производному от глагола **gruditi* со значением ‘размельчать, перемалывать’, ‘грызть, глодать’. Индоевропейский корень: **ghreu-d-* – ‘тереть’, ‘бить’, ‘толочь’ [6, с. 223]. Таким образом, исконная семантика слова *грусть* – ‘то, что грызёт, не даёт покоя’.

В качестве семантической параллели уместно привести переносное значение русск. *грызть* ‘постоянно придирается; терзать, мучить’, а также болг. *грижа* ‘беспокойство, забота’, укр. *грижа* ‘печаль, огорчение’ [6, с. 223]; также сравн.: *Грусть-тоска меня съедает...* (А. С. Пушкин, «Сказка о царе Салтане»)

Связь с обозначением конкретного физического действия отражена и в семантике лексемы *мука* ‘сильное физическое или нравственное страдание’: *Муки голода. Муки одиночества. Муки творчества. Хождение по мукам* (ряд тяжёлых жизненных испытаний) [2, с. 361].

Данное слово восходит к праславянскому существительному **mьka* и одинаково по происхождению со словами *мукá*, *мучной*, а также с *мягкий*. Индоевропейский корень *men(o)k-* ‘мять’, ‘щемить’, ‘дробить’ [1, с. 551].

Сходные семантические закономерности прослеживаются во внутренней форме существительного *тоска*. В современном русском языке данное существительное имеет значения ‘душевная тревога, уныние’: *Наводит тоску на кого-нибудь. Тоска берёт. Тоска в глазах, во взгляде у кого-нибудь. Тоска по родине*; ‘скука, а также (разг.) что-нибудь очень скучное, неинтересное’: *На даче осенью тоска. Не спектакль, а тоска. Тоска зелёная* [2, с. 793].

В других славянских языках у существительного *тоска* имеются следующие соответствия со сходными лексическими значениями: чеш. *tesknot, tesknota* – ‘тоска’; словац. *tesklivost’, tesknota* – ‘тоска’; польск. *tesknota* [3]. Данное слово восходит к праславянскому существительному **tьska*, индоевропейская основа которого **tu-sk-*, база *teus-* ‘опорожнять’, ‘делать пустым’, ‘осушать’ [3]. Переход значений представляется следующим: ‘давление’, ‘теснота’ > ‘ощущение беспомощности’, ‘волнение’.

Связь с отображением негативного физического воздействия проявляется и в семантике существительного *скука* ‘томление от отсутствия дела или интереса к окружающему’: *Томиться скукой. Скука одолела кого-нибудь. Нагонять скуку на кого-нибудь*; ‘отсутствие веселья, занимательности’ (разг.): *На вечеринке была ужасная скука* [2, с. 716].

В других славянских языках слово *скука* имеет следующие соответствия со сходными лексическими значениями: укр. *скука*; болг. *нуда* (:сум); словен. *dolgocasje*; чеш. *nuda*; польск. *nuda* [4, с. 172].

Слово *скука* является родственным др.-в.-нем. *sciuhēn*; совр. нем. *scheuchen* ‘пугать’, ‘спугивать’, ‘избегать чего-либо’, ‘уклоняться’, ‘воздерживаться’; англосакс. *sceoh* (англ. *shy*) ‘пугливый’, ‘робкий’. Исходное значение данного существительного – ‘беспокойство’, ‘томление’, ‘состояние, когда хочется выть’. По мнению этимологов, основа данного существительного (*сук-*) восходит к индоевропейскому **skeu-* ‘бросать’, ‘стрелять’, ‘травить’, ‘преследовать’, с расширителем *-k-*: *skeu-k-* [4, с. 173].

Имя существительное *тревога* в современном русском языке также связано с обозначением негативного эмоционально-психического состояния: ‘беспокойство, волнение (обычно в ожидании опасности или чего-нибудь неизвестного)’: *Охватила тревога. Быть в тревоге*; сравн. также значения ‘шум, переполох, суматоха’: *В доме поднялась тревога*; ‘сигнал об опасности, а также состояние такой опасности’: *Бить тревогу*; ‘сигнал о приведении войск (команд) в готовность к действию; само такое срочное приведение в готовность’: *Боевая, воздушная, учебная тревога*. [2, с. 797].

Данное слово восходит к праславянскому существительному **trьvoga*. Существует несколько мнений относительно этимологии данного слова. М. Фасмер полагает, что **trь* является усилительным префиксом, а корень **vog-* тот же, что и в общеславянском **otrьvaga*. Существует мнение, что общеславянское **trьvoga* является образованием с суффиксом *-og-(a)*, как в праславянском **bьrloga*, рус. *острога*, от индоевропейского **tris-* – ‘трижды’ с суффиксальным *-uo-*, с исчезнувшим *s* перед *u*. В таком случае, праславянское **trьv-og-a* первоначально могло значить ‘трижды повторенный сигнал об опасности со стороны противника, о готовности к бою’ [3].

Но более убедительными, на наш взгляд, являются попытки увязать общеславянское **trьvoga* со словами, восходящими по корню к индоевропейскому **ter-* ‘тереть’ или с укр. *тривати* ‘длиться’, ‘продолжаться’, чеш. *trvati* ‘продолжаться’, ‘настаивать’, что в конечном счёте через лит. *trinti* ‘тереть’, ‘натирать’ возвращает нас снова к индоевропейскому **ter-* с исходным значением конкретного физического действия, характеризующегося интенсивностью проявления [4, с. 260].

Таким образом, эмоции человека разнообразны по своей природе, содержанию и проявлению. Опираясь на данные этимологических словарей, мы определили исходные значения и сформулировали ряд метафорических моделей, лежащих в основе формирования семантики данных слов.

В лингвистической литературе отмечается, что обозначения абстрактных понятий, как правило, восходят к обозначениям конкретных предметов. Рассмотренный в работе языковой материал подтверждает указанную закономерность. Проведенные наблюдения свидетельствуют о том, что абстрактная семантика негативного эмоционально-психического состояния по происхождению является вторичной и формируется на основе конкретных значений, отражающих физические действия, состояния, признаки.

Литература

- 1 Будагов, Р. А. Внутренняя форма слова / Р. А. Будагов // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. – Москва : Наука, 1979. – С. 43–46.
- 2 Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Около 57000 слов / под ред. проф. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – Москва : Русский язык, 1985. – 797 с.
- 3 Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс] // vasmer.info. – Режим доступа: <http://vasmer.info/>. – Дата доступа: 16.04.2024.
- 4 Семёнов, А. В. Этимологический словарь русского языка / А. В. Семёнов. – Москва : ЮНВЕС, 2005. – 704 с.
- 5 Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – 4-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык, 2001. – Т. 1: А – Пантомима. – 624 с.
- 6 Откупщиков, Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии : книга для учащихся / Ю. В. Откупщиков. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1973. – 280 с.

УДК 7.011:111.85:27:821.161.1-3

Д. И. Рябченко

ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИКИ БЕЗОБРАЗНОГО В ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В данной статье исследованы непопулярные особенности эстетики безобразного в христианской культуре, их интерпретация в рамках определённых эпох и парадигме мировоззрения Ф. М. Достоевского. Особое внимание уделяется трактовкам одних и тех же мотивов в зарубежной и русской литературах. Данная работа посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме актуализации эстетики безобразного в искусстве.

Неизменно, говоря об искусстве и всяком его проявлении, речь идёт о том, что оно должно воспитывать в нас чувство прекрасного. Это верный подход, учитывая, что всякое общество привыкло тянуться своим естеством к гармоничному, правильно сложенному постулату общечеловеческой нравственности, моральному закону, внешнему аполлоническому виду. Правильное и естественное, вот что можно сказать о литературе направления классицизма: правило трёх единств, возвышенный стиль, культ разума, дидактизм. Во главе стола всегда находилась одна неизменная диалектическая пара, в основе которой были построены принципы трагедии и комедии, нравственности и безнравственности, высокого и низкого.

Этой диалектической парой являлись Прекрасное и Безобразное.

Христианская культура, как культура, неизменно переписавшая, если не написавшая историю человечества и играющая в ней одну из главенствующих ролей на сегодняшний день, должна иметь в себе отличительный «генетический» или «культурный» код. Ведь религия, изначально созданная как способ осознания окружающего мира, впоследствии этого самого осознания пришла к тому, что ей пришлось стать помимо своей